

Солнце было давно спрятано под бесчисленными тучами. Сильного ветра ещё не было, но температура уже ощутимо упала. Живность в Лесу пряталась кто куда, чувствуя приближение чего-то нехорошего. Эта судьба не обошла даже духов, которые прекрасно помнили, что было в прошлые... Сопражения.

Естественно, один конкретный безбашенный эльф и близко не собирался где-то прятаться. Наоборот! Как и не собирались прятаться решившие следовать за Норизлем нематериальные существа.

Верные друзья мальчика были с ним как бы не с самого его рождения и пойдут с ним до конца, даже если это значило отправиться в мёртвый мир и стать жертвой твари из нижнего мира.

Впрочем, пока у них было ещё немного времени.

Норизель с интересом смотрел на отражение в воде, начав понимать, почему Айша, когда росла, первое время испытывала такую радость (которая, правда, потом превратилась в печаль). Парень чувствовал иррациональный восторг, видя в отражении заметные изменения. Мальчик вытянулся, черты его лица стали намного более острыми и взрослыми. Окончательно пропала детская «припухлость», которая мальчишку порой раздражала.

И это не говоря уже о том, что его тело стало порядком сильнее, быстрее и ловчее. Вроде бы и логично, а вроде бы и приятно.

Если переводить на человеческие рамки, Норизель стал выглядеть примерно лет на четырнадцать. Изменения произошли далеко не сразу: с момента смерти Айши сад из ирисов ещё сильнее расширился. Буря не спешила приходить, позволив мальчику немного подрасти и развить свои способности, что играло ему только на руку.

С сородичами Норизель уже успел попрощаться. Никто не имел права его останавливать: они все были равны, и каждый сам решал, что он будет делать со своим существованием. Особенно после того, как Норизель перестал быть «ростком». Лишь Старейшина мог повлиять на что-то, но даже так — «власти» над ними у него не было, о чём он сам говорил.

В честь ухода от Изоризель мальчишка получил новый комплект одежды. Мешковатый, на вырост, но сделанный по-настоящему особенным образом: из нитей гигантского паука, обитавшего в глубинах Леса. Он, как и абсолютно подавляющее большинство существ Леса, был настроен к сородичам паренька дружелюбно, так что договориться на прощальный подарок мальчику получилось легко.

Другое дело сделать что-то с этими нитями, не говоря уже о том, чтобы пошить одежду. Парень, прекрасно знакомый с процессом прядения и последующим шитьём, предпочитал не думать, сколько труда пришлось вложить его тё... сестре.

Норизель мягко улыбнулся, поправив небольшой шарф на шее. Лёгкий, приятный на ощупь и безумно крепкий. Если не будет никаких эксцессов, его одежда обещала прослужить ему безумно долго.

Парню грело сердце осознание того, что, даже если с ним что-то случится, его сородичи всё равно будут помнить младшего жителя Леса, отправившегося в путешествие, из которого он, вполне возможно, уже никогда не вернётся. Как и он будет их помнить, несмотря ни на что. До самого последнего вздоха. Помнить и разносить то, чему он у них научился.

Задул ветер, отражение в озере исказилось. Духи вокруг мальчика стали более активными,

намекая собрату, что буря совсем близко.

— Я обязательно выберусь отсюда, — выдохнул подросток, встав.

Духи, попытавшись поддержать мальчишку, ободряюще ударили потоком ветра ему в лицо. Любя, конечно же.

Главное, что любя, да.

Нориэль проверил, крепко ли держится деревянная флейта на его поясе, после чего, не оглядываясь, отправился в путь. Они с Айшей ещё в прошлый раз примерно поняли, как выбраться: нужна была аномалия. Достаточно большая и опасная, искажаемая ещё больше «бурей». К сожалению, судя по всему, кое-кто им просто не позволил покинуть Лес. И если то, что его не выпустили, Нориэль готов ещё был принять, то Айша...

Нориэль никогда не забудет то отчаяние на лице подруги, когда они, оставшись ни с чем, вернулись назад.

Подросток не мог такое простить, даже если бы очень захотел.

Постепенно погода всё ухудшалась. Нориэль всё дальше углублялся в Лес, намеренно избегая троп. Лес хотел «помочь» своему любимцу, пытаясь его вернуть на более безопасную тропу, однако подросток знал, что это ложный путь. Тропа была безопаснее, но она же и не давала ему выбраться.

— Хватит держать меня, хватит... — шептал тихо Нориэль. — Не останавливай меня!

Тропа настойчиво выстраивалась перед ним. Пространство плыло, искажалось, однако Нориэль упорно отказывался подчиняться воле мифического пространства. Специально заходил в самые глубокие и неизведанные чащи, специально шёл по корням там, где мог спокойно пойти по ровной земле или траве.

Ветер усиливался. Вскоре пошёл дождь, быстро превратившийся в настоящий ливень. Тропа начала обрываться, из-за чего путь для Нориэля стал ещё сложнее.

Подросток, не противясь воли Леса, никогда не цеплялся за корни. Никогда не попадал в паутину. Никогда не натёкался на дома животных, которые могли бы быть к нему агрессивны. Теперь же...

Каждый корень стал для него врагом. Паутина, скотина такая, норовила вместе с пауком буквально в рот залететь! В какой-то момент уровень абсурда дошёл до того, что в него чуть не влетела бедная змейка, которую унесло аномальным ветром, что только сильнее распаляло в подростке желание свалить, вопреки воле «старшего».

К счастью, на стороне Нориэля были духи. Они придавали его телу сил, они не давали ему упасть, они не давали ни ветру, ни дождю, ни чёртовым змеям навредить ему. Бесчисленные духи превратились в настоящий непроницаемый купол.

Раньше Нориэль свалился бы от «тяжести» силы своих друзей, однако с того момента он стал намного сильнее и упорнее, если не упоротее.

Тропа становилась всё дальше.

Но, конечно же, Лес не собирался так просто сдаваться. Уже когда мальчишка оказался в столь желаемой крупной аномалии, где цветущий лес прямо на глазах превратился в пугающую, переливающуюся мешанину из различных зелёных, ярких цветов, обладающее собственной волей измерение решило выложить последний козырь.

Козырь, из-за которого задница бедного Нориэля на собственной тяге чуть не отправилась в небо, покорять просторы галактики и вселенной.

— С-слышит Лес, я буду первым перерождённым духом природы, который устроит в Лесу пожар! — закричал мальчишка от злобы, понимая, что его ноги по самое колено оказались каким-то образом в непроходимом, вязком болоте.

Многочисленные духи, надрываясь, попытались вытянуть застрявшего подростка, но с таким же успехом они могли его кинуть и отправиться в свободное путешествие сами.

Нориэль чувствовал, что уже совсем близок. Пространство искажалось, плыло, до его сверхъестественного чутья доходило дуновение другого ветра, принадлежащего иному, неизведанному миру. Нужно было лишь дотянуться рукой. Пройти точку невозврата, до которой в прошлый раз Нориэль с Айшей так и не дошли.

— Думаешь, я только на духов буду надеяться? Такой же самоуверенный, как и Старейшина!

Лицо Нориэля стало неожиданно полностью спокойным и удивительно холодным. Он молча снял с пояса флейту, заиграв на ней. Его мелодия, на фоне завывающих ветров и буквально искажающегося пространства, попросту терялась и могло создаться впечатление, что он в принципе не играл, но так продлилось недолго.

Фактически, Айша научила Нориэля только одному: чувствовать свою энергию. Отправившаяся на перерождение девушка на протяжении многих лет терпеливо учила мальчика правильно настраивать сознание на нужную волну, после чего подпитывала своей силой. Стоило признать, что девушка никогда не была сильным чудотворцем, да и знать она, в силу некоторых обстоятельств, многое не могла, однако она дала Нориэлю столь необходимую базу.

После того, как его чудо раскрылось, он продолжал тренироваться с ним. Экспериментировать, учиться дозировать силу, искать способы, как сделать так, чтобы энергии стало больше.

Таким образом, путём бесчисленных проб и ошибок, Нориэль пришёл к тому, что свой небольшой источник чуда он может на полную использовать лишь тогда, когда играет на флейте.

Потому что каждый раз, когда он играл на ней, он чувствовал, как сзади него похлопывает в ладоши счастливая смуглая зеленоглазая девочка. Ещё совсем молодая, полная сил и надежд на яркое будущее.

Потому что в каждую свою игру он вкладывал целиком и полностью свою душу со всеми своими чувствами, которые вспыхивали в нём, как огонь.

Нориэль ждал бурю долго. И за это «долго» единственное, чему он по-настоящему научился — вкладывать своё чудо в игру на флейте.

Видимо, это было правильным решением.

В глубине груди Нориэля вспыхнула искорка теплоты. Она прошла по его телу, дошла до горла

и вырвалась в материальный мир, оказавшись во флейте.

Вопреки непогоде и буквально сводящей с ума аномалии, по болоту разошлась по-настоящему прекрасная, чарующая игра на флейте. Мелодия была быстрой, лёгкой, будто не происходило ничего ужасного, и мальчишка просто пошёл похвастаться своей игрой куда-нибудь в солнечный парк. Любой, кто услышал игру Нориэля на флейте, мог бы сказать, что она может захватывать и подчинить души, и это, наверное, была даже не фигура речи.

Из болота вырвались бесчисленные лозы, начав обматывать его тело. Духи природы вокруг мальчишки неожиданно почувствовали прилив сил, словно игра Нориэля дала им живительного пинка под метафизический зад.

«Сейчас!»

Игра на флейте Нориэля неожиданно оборвалась. Остался лишь громкий, разошедшийся по всему окружающему пространству, писк. Писк, который можно было интерпретировать и как призыв к действию, и как послание на всем известное место одного Старейшину с его больно заботливым Лесом.

Миг, и лозы с духами что есть сил потянули тело мальчишки вперёд.

Вспышка.

Нориэль, уже желая сделать шаг, застыл, поняв, что вновь оказался в новом месте.

И вновь он был в лесу. Однако на этот раз подросток точно знал, что он в «лесу», а не в «Лесу»: деревья над головой были, в сравнении с его домом, невысокими; воздух был совсем другим, менее чистым, приятным и... сладким; сама окружающая действительность будто поубавилась в тонах, став более серой, мрачной и недружелюбной.

Духов в лесу было заметно меньше. Они всё ещё были и уже почувствовали приход незнакомца, начав заинтересованно слетаться вокруг него, чувствуя, что встретили далёкого, но вместе с этим близкого, старшего родственника. Подросток, чувствуя, как вокруг него начали мельтешить местечковые нематериальные существа, громко засмеялся. Духи, прошедшие огонь и воду (или, вернее сказать, летающих змей и болото) вместе с подростком, на правах более сильных тут же начали мелких проходимцев отгонять, что вызвало у подростка ещё более сильный приступ смеха.

Эйфория. Его охватила настоящая эйфория.

Впрочем, самое большое и очевидное изменение он заметил лишь после того, как отсмеялся.

— Солнце... — прошептал Нориэль.

Подросток тут же полез на ближайшее дерево. Стоило ему забраться на крону и в полной мере осознать то, что он видит перед собой, как мальчишка понял, что у него вновь начали наворачиваться слёзы на глаза.

Перед глазами подростка предстало лишь восходившее, будто из недр земли, оранжевое солнце.

— Рассвет.

Нориэль спонтанно понял, что получил новое воспоминание, которое будет преследовать его на протяжении всей жизни. Духи, пришедшие из Леса вместе с ним, звонко, счастливо захихикали.

Спустившись с дерева, насквозь промокший грязный мальчишка уже думал попросить духов ему помочь немного очистить одежду (и его самого, в общем-то), как эти же духи неожиданно легонько толкнули его в бок. Нориэль очередной шалости даже возмутиться не успел, застыв, словно его молнией ударило.

— Я уж было подумал, что ты от счастья сейчас начнёшь поминать предков и танцевать, женоподобный нелюдь.

Перед глазами мальчишки предстал смуглый, покрытый шрамами, молодой, короткостриженный кареглазый парень не старше шестнадцати лет отроду (с чем, можно быть уверенным, многие шестнадцатилетние ребята бы с удовольствием поспорили), прислонившийся к дереву. Парень, как и когда-то Айша, был покрыт татуировками, пусть и, очевидно, другими. В его руках заманчиво блестел тяжелый железный топор, явно счастливый встретить новую жертву. Несмотря на то, что ребята выглядели примерно одного возраста, незнакомец был заметно крупнее и массивнее, как оказалось, внешне хрупкого, напоминающего спичку, Нориэля.

Едкий, насквозь наглый и где-то даже презрительный голос испортил момент Нориэлю чуть больше чем полностью.

— Ты...

Молодой эльф уже думал было заговорить, как незнакомец неожиданно прислонил указательный палец ко рту.

— Тс-с-с...

Нориэль нахмурился. Духи рядом с ним взбудоражились, начав предупреждать своего собрата об приближении чего-то странного и доселе неизвестного. Местные духи уже давно к тому моменту разлетелись. В нос ударил едкий запах. Будто что-то палили.

Как оказалось позднее, испорченный рассвет — самая меньшая из проблем Нориэля.

Самая.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3184396>